

Е.С. Петриковская

О смысле памяти

Рецензия на: Шор О.А. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч.
О.Л. Фетисенко. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2023. 229 с.

Петриковская Елена Сергеевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: lenape.69@mail.ru

Рецензия представляет читателю впервые изданные рукописи Ольги Александровны Шор, известной как биограф и издатель сочинений русского поэта Вячеслава Ивановича Иванова. В рецензии подробно рассматривается изданный по автографам, хранящимся в Римском архиве Вяч. Иванова, трактат «Мнемология», а также вошедшие в книгу отдельные записи. Философствование Ольги Шор предлагается понимать как своеобразный мистический онтологизм, опирающийся на понятие бытия как исходного пункта для описания онтологической памяти и реальности события. Контурно рассматриваются связи и взаимодействия размышлений автора трактата с культурным контекстом – философией Платона и Аристотеля, наследием Вяч. Иванова, неокантианством, русской и европейской религиозно-философской мыслью. Автор рецензии выражает надежду, что первая и весьма обстоятельная публикация «Мнемологии» позволит привлечь исследовательское внимание к самостоятельному философскому творчеству Ольги Шор. Возвращение таких забытых имён и трудов в наше интеллектуальное пространство важно и тем, что оно открывает доступ в творческую лабораторию Серебряного века, занятого поиском выхода из кризиса европейской культуры и созданием оригинальной версии культурфилософии. Ольга Шор оставила свой труд незавершённым, не подготовив его к изданию, что делает некорректным серьёзный критический разбор этого произведения; в рецензии главным образом проясняются узловые пункты мысли автора и предлагается интерпретация авторского замысла.

Ключевые слова: память, Серебряный век, русский символизм, неокантианство, Вячеслав Иванов, культура, трагедия, О.А. Шор

Для цитирования: *Петриковская Е.С.* О смысле памяти. Рецензия на: Шор О.А. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2023. 229 с. // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 2. С. 107–119.

Ольга Александровна Шор (1894–1978) – философ, искусствовед, ученица и последовательница русского поэта Вячеслава Ивановича Иванова, биограф и издатель его сочинений, личность и философское творчество которой долгое время

оказывались на периферии исследовательских интересов, привлекая внимание лишь в связи с жизнью своего учителя – в качестве представителя сложившегося вокруг него интеллектуального круга.

Встречу с Вяч. Ивановым и его творчеством Шор рассматривала как главное событие своей биографии, которое на философском языке Шор и Иванова обозначалось понятием «апантема», т.е. встреча в высоком экзистенциальном смысле, онтологическое совпадение родственных душ. После переезда в Италию в 1927 г. и до конца жизни вся деятельность Шор была посвящена интерпретации, изданию и комментированию сочинений Иванова. В публикациях, изданных под псевдонимом О. Дешарт (Deschartes), ею проводился анализ философских идей, лежащих в основе его поэзии.

Многолетняя собеседница поэта стала соавтором его последнего произведения «Повесть о Светомире Царевиче», над которым он работал в период своей итальянской эмиграции, с перерывами – примерно 21 год (с 1928 г. по 1949 г.). Сама «Повесть...» рассматривается как своеобразное духовное завещание мыслителя, в основе которого лежит его автобиография. Перу Вяч. Иванова принадлежат первые пять книг. Написанные О. Шор 6–9 книги исследователи называют «продолжением» «Повести...», оставляя открытым вопрос о том, в какой мере данный текст соответствует замыслам самого поэта. Не имея чёткого плана развития сюжета, Иванов допускал, что Шор может что-то «открыться» в этой истории о сказочной стране, символически изображающей Россию. Они были сообщниками, и поэт верил в её способность развить в правильном русле изменчивые образы «Повести...»¹.

Опыт первой и весьма обстоятельной публикации «Мнемологии», рассматриваемой нами ниже, позволяет надеяться на то, что художественное и философское творчество Ольги Шор привлечёт к себе то внимание исследователей, которое оно по праву заслуживает. Возвращение таких забытых имён и трудов в наше интеллектуальное пространство важно и тем, что оно открывает доступ в творческую лабораторию Серебряного века, занятого поиском выхода из кризиса европейской культуры и созданием оригинальной версии культурфилософии.

«Мнемология» – это оригинальное философское размышление об онтологической памяти (а не памяти как предмете психологической науки), призванное отвечать запросам жизни, ориентировать современное сознание в важнейших вопросах бытия. Автору трактата важно вернуть проблему памяти в нужное русло: Шор идёт наперекор «школьной» современной философии, которую характеризует как «депласированная вездесущность, мертвенная суэта»². Мы имеем дело со смелой попыткой в системной и рациональной форме обозначить структуру целостного опыта, ассоциируемого со словом «культура», который как раз и играет роль сопряжения знания и жизни.

Крайне важно проследить логику рассуждений мыслителей XX в., представителей «философствующего искусства» в отношении онтологии, метафизического характера искусства, теургии, житнетворчества, роли духовной культуры в жизни человека и общества. Хотя мы сейчас не можем похвастаться их оптимизмом, те ценности, которые они отстаивали, нисколько не утратили своей значимости.

Вместе с тем Ольга Шор оставила свой труд незавершённым, не подготовила его к изданию. Дошедший до нас текст имеет черновую форму. Автор не поставила окончательной точки и не дописала ряд параграфов. Поэтому серьёзный критический разбор этого произведения невозможен. В рецензии мы главным образом проясним

¹ См. комментарии к научному изданию текста в серии «Литературные памятники»: *Иванов В.И. Повесть о Светомире Царевиче* / Подгот. изд. А.Л. Топоркова, О.Л. Фетисенко, А.Б. Шишкина. М., 2015.

² *Шор О. Мнемология* / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб., 2023. С. 145.

некоторые узловые пункты мысли автора, предложив свою интерпретацию авторского замысла.

Разбираемый текст для современного читателя необычен тем, что он ставит в центре всего память, рассматриваемую как важнейшую проблему мировоззрения, решение которой достигается через «логико-математическое осмысление законов и процессов небесного мира – вечной борьбы ангелов и “аггелов”»³. Такая работа не терпит суеты и спешки, и оттого на неё ушли годы (задумана «Мнемология» была, вероятно, ещё в студенческие (1910-е) годы, а запись первой редакции текста начата 28 февраля 1930 г.); даже неустанно поторапливавший ученицу Вяч. Иванова, который придавал большое значение этому сочинению, был не в силах ускорить процесс. Скорее всего, ему показывали «страницы невнятной бормотни», но он смог почувствовать их духовный жар, о чём поведал в акrostихе «Сотруднице» (1932). Работая над «Мнемологией», Шор также переписывала первую книгу «Повести о Светомире Царевиче» Вяч. Иванова, готовила эссе о Вяч. Иванове и М.О. Гершензоне, которые должны были стать предисловием к итальянскому изданию «Переписки из двух углов».

«Мнемология» О. Шор, безусловно, тесно связана с мировидением Вяч. Иванова. Но её интерпретация мистических прозрений поэта заслуживает дальнейшего, более внимательного изучения, и такая возможность появляется с публикацией рецензируемого текста. Пользуясь случаем, мы хотели бы обратить внимание на несколько важных моментов. Заметим, что предисловие к первому тому брюссельского издания сочинений Вяч. Иванова и «Мнемология» создаются параллельно. Очерк о жизни и деятельности поэта, в значительной степени основанный на его устных свидетельствах, – важнейший источник для реконструкции замысла книги о памяти.

Шор уже зарекомендовала себя как истолкователь мифотворчества Вяч. Иванова в *определённом* ключе, который следует признать в значительной степени апологетическим или идеализирующим. Литературоведы признают, что есть запрос на «тщательный аксиологический и духовный анализ творчества Иванова, исследование его мифопоэтических построений в их сущности (а не в многочисленных, произвольных и бессистемных интертекстуальных связях)»⁴. Для первого собрания сочинений Иванова О. Шор, по мнению Т.А. Кошемчук, выбрала именно апологетический и «лакировочный подход», представляющий безупречный образ поэта-христианина («В стихах и в прозе В.<ячеслав> И.<ванов> ищет правдиво, точно сообщить, как Христос в душе человека рождается и как человек “во Христа облекается”»⁵). В этом видят ошибку:

Ведь совсем иным было её отношение – к Микеланджело, там тоже любовь, но подход вглубь, к самой духовной личности, – и этого она не позволила себе по отношению к Вяч. Иванову, а ведь она знала более всех о глубинных тайнах этого духа! И потеря невозвратима. Ибо такая душа, даже в проблемном, даже в срывах, но ведь и в вершинах – увиденная из глубины взглядом любви и правды, есть – могла бы быть – великой ценностью⁶.

³ Шор О. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб., 2023. С. 4.

⁴ Кошемчук Т.А. «Третья жизнь» Вяч. Иванова: история с умолчаниями, оправданиями и обвинениями // Крымский архив. 2015. № 2 (17). С. 134.

⁵ Рудник Н., Сегал Д. Письмо О. Шор (О. Дешарт) Ф.А. Степуну // Зеркало. 2021. № 17. URL: <https://magazines.gorky.media/zerkalo/2001/17/pismo-o-a-shor-o-deshart-f-a-stepunu.html> (дата обращения: 26.04.2024).

⁶ Кошемчук Т.А. «Третья жизнь» Вяч. Иванова: история с умолчаниями, оправданиями и обвинениями. С. 139.

Иными словами, Шор упрекают в том, что она создала *житие* вместо биографии *дионисийствующего* поэта. Однако она стремилась сохранить главный смысл свершившегося события под названием «Вячеслав Иванов»:

В.<ячеслав> И.<ванов> – лирический поэт. А лирический поэт сам себе задан как миф. Лирика, даже самая интимная (если и поскольку она – подлинная лирика), всегда есть точное описание объективной, высшей реальности, но описание в аспекте особого, своеобразного опыта и неповторимого личного переживания. Лирический поэт будто бы капризно и своевольно утверждает единственность каждого своего чувства и поступка, и в то же время явленной тайной своей поэзии он «в едином и через единственное открывает всеобщее и вселенское». Запечатлевая свою личность обращением её в миф, он тем самым и постигает и знаменует истинное, высшее бытие⁷.

Изданный трактат «Мнемология» напечатан по автографам, хранящимся в Римском архиве Вяч. Иванова (РАИ). Он содержит первую (печатается по автографу: РАИ. Оп. VII. К. 2. П. 2; датируется 1930–1932 гг.; состоит из семи глав, где шестая – отсутствует, третья и седьмая – не окончены) и вторую редакции (печатается по автографу: РАИ. Оп. VII. К. 2. П. 1; датируется 1933 г.; состоит из двух глав), а также отдельные записи (это избранное из подготовительных материалов, рабочих записей к двум книгам – о памяти и о Микеланджело), связанные с темой памяти. В Приложении издатели поместили стихотворения Вячеслава Иванова, посвящённые Ольге Шор, три статьи о ней Ю.П. Иваска, Б.А. Филиппова и В.А. Рудича. В подстрочных примечаниях воспроизводятся зачёркнутые автором фрагменты текста, переданы также авторские подчёркивания.

Первая редакция в 1933 г. переписана О. Шор в тезисной форме, но не полностью – только две главы. Глава III («Дедукция времени») во второй редакции лишь заявлена. В итоге вторая редакция почти в три раза меньше, чем первая.

Итак, перед нами «зброшенная книга»⁸. Повторюсь, даже эти наброски с авторскими пометками представляют интерес для исследователя русской мысли в силу того, что шоровская концепция памяти развивается в свете эволюции русского символизма. До сих пор остро ощущается нехватка теоретического языка, на котором можно было бы обсуждать проблемы подобной теории, избегающей установленных рубрик. Характер изложения рецензируемого текста, употребляемые термины и образы, а также цитируемые тексты красноречиво свидетельствуют, что мышление теоретика символизма не знало чётких границ между философией, богословием, литературой и наукой.

Несмотря на профессиональную философскую подготовку, О. Шор философствует не академично, едва ли не на грани мистицизма. «Мнемология» представляет собой обоснование «апантетической» философии и включает следующее содержание:

Первая редакция. О ПАМЯТИ. АПАНТЕМА. МНМОЛОГИА.

Глава I. (в конце главы) Типология Зла как диалектика беспамятства.

Глава II. Пролог на небе. § 1 Иерархии ангельские. § 2 Падение ангелов. § 3 Архангел Михаил. § 4 Ариман. § 5 Архангел Гавриил. § 6 Люцифер. § 7 Архангел Рафаил. § 8 Асмодей. § 9 (без названия).

Глава III. Человек (*где рассказывается, как чорт с Богом борется, а арена – сердца людей*). Только один параграф с названием – § 5 Платон (Федр).

Глава IV. Κένωσις. Метафизическая топография κένωσις'α. Трагедия. § 1 Рождение трагедии. § 2 Трагедия творчества и жизни.

Глава V. Протомиф.

Глава VII. Апантема.

⁷ Дешарт О. Введение // Иванов Вячеслав. Собрание сочинений. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 31.

⁸ Шор О. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб., 2023. С. 11.

Первая глава довольно короткая, особенно в первой редакции. Она сжато, почти тезисно, вводит и приводит во взаимосвязь ключевые термины книги – «узна(ва)ние», «память», «бытие», «событие», «встреча»: «Узнание есть единственный акт, свидетельствующий о наличии пребывания»⁹. Узнавать пребывающее означает познавать его. Узнавания отнесены к непреходящему Вседержителю – Бытию: «В актах узнавания нашего открывается нам Бытие»¹⁰. Описание внутренней жизни Бытия («Бытие из себя рождает Слово, говорит Событием») приводит к памяти:

Событие возвращается к Бытию актом Памяти. Память возвращает событие Бытию. Память исходит из События и из Бытия; она есть их встреча... Память есть динамический аспект, движущийся образ Бытия... Память по существу своему есть Бытие в акте возврата; о ней нечего спрашивать, что она вспоминает. Неустанное создание памятного знака и его возврат в Память есть природа, сущность самой Памяти. А воскресительный возврат есть сущность Анамнезиса¹¹.

Вторая редакция первой главы более подробно останавливается на теории припоминания: «Память непосредственно даётся в актах воспоминания и узнания. Воспоминание – движущийся образ памяти, то, что непосредственно представляется нам собственно памятью, – обращено к прошлому, узнание же – к настоящему»¹².

Автору важно привести в связь основной закон мысли – закон тождества (как акт узнания) – с памятью. В аспекте памяти рассмотрены и другие законы логики, сведённые к закону тождества. По мнению Шор, сущностью мышления является память: держание в уме целого гарантировано только памятью. Шор приписывает Вяч. Иванову открытие «закона избыточного основания» как акта усмотрения связей, определяющих место единичного в целом универсума. И в этом усмотрении проявляется работа памяти¹³.

Среди цитируемых авторов главное место принадлежит блаженному Августину и его идее человека как помнящей души. Философия памяти Шор – это философия Платона, развитая Августином и глубоко пережитая поэтом-мыслителем Вяч. Ивановым, которую в целом можно охарактеризовать как мистический платонизм: «Память есть не только способность души, но и действие духа, Духа Животворящего»¹⁴. Широко и пристрастно исследуется Шор идея троичности времени, которая, по её мнению, была утрачена Декартом и Бергсоном. Вместе с этим утрачены и понимание настоящего как встречи прошлого с будущим, родственность воспоминания и мечты: «Держание есть основной аспект Памяти, обнимающий всё», «непреходящая апантема»¹⁵.

Вторая глава «Пролог на небе» в обеих редакциях состоит из девяти параграфов, её название отсылает ко второму прологу трагедии Гёте «Фауст». Здесь предложена типология зла как диалектика беспамятства. Автор возвращается к описанию «внутренней жизни Бытия» в аспекте усическом и ноэтическом: «Бытие полагает своё иное как Ничто (Хаос) и творит из него событие, которому дарует свободу. Событие вольно вернуться или не вернуться к Бытию... Если вспыхнет в нём Любовь встречная бытийному Благоволению, то оно в лоно Бытия

⁹ Шор О. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб., 2023. С. 21.

¹⁰ Там же. С. 23.

¹¹ Там же. С. 23–24.

¹² Там же. С. 109.

¹³ Там же. С. 112.

¹⁴ Там же. С. 113.

¹⁵ Там же. С. 119.

возвратится»¹⁶. Описание этого процесса в терминах нозических (состояний сознания) являет сложное сплетение между памятью и самосознанием:

Память, исходящая из Бытия, готова превратить свободное событие в знак *Памяти*, памятный знак, готова сделать его событием, существом, Бытию сопричастным, вестником, Ангелом Памяти. Но для того, чтобы это осуществилось, надобно, чтобы и из события изошла Память. Событие вольно узнать или не узнать себя как памятный знак, вспомнить или не вспомнить своё Бытие, само Бытие¹⁷.

История взаимоотношений, разворачивающихся между памятью и событием, символически отображена в формулах, выявляющих природу ангельского мира. Шор здесь руководствуется идеями из второй главы сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии», которого она цитирует по французскому изданию в переводе аббата Жоржа Дарбуа (1845), впоследствии архиепископа Парижского. Падение ангелов и другие сюжеты и герои христианской мифологии описаны в формулах, над которыми впоследствии производятся формальные операции. Основная интрига связана с диалектикой памяти и забвения, беспамятства, небытия. Производится формальная операция, из четырёх жестов-знаков (обозначение памяти, забвения, открывающего и закрывающего жеста) делаются всевозможные перестановки и сочетания по два¹⁸, а затем прочитываются получившиеся алгорифмы. Таким образом, автор выводит основную типологию добра и зла, которая раскрывается как диалектика памяти и забвения, олицетворяемая архангелами Михаилом (действие), Гавриилом (славословие) и Рафаилом (правая оценка, узнание), с одной стороны, и злыми силами – Ариманом (бездействие), Люцифером (суесловие) и Асмодеем (духовная слепота и потеря ориентации) – с другой. Ареной борьбы ангелов с дьяволами являются души людей.

Введённые символические обозначения борьбы памяти с беспамятством используются и в третьей главе «Человек». Она самая большая по объёму. Здесь получает развитие идея человека как помнящей души и даётся определение культуры как совокупности вещных и действенных знаков, в которые посредством своих «да» и «нет» по отношению к памяти или забвению человек обращает им же самим творимые события. Так в культуре организуются и живут и память, и беспамятство: «Действие и вещь – обители Памяти на земле»¹⁹. Эти виды сохранения памяти друг в друга переходят: «Как живая человеческая личность является зараз обителью и царя, и пророка, и святого, и поэта, так творение человека, запечатлевшего Бытие, несёт в себе и действенность и вещность»²⁰.

Сказанное выше позволило автору развернуть концепцию культуры как памяти: «Праведное действие и подлинная вещь – вот знаменья самой Памяти, знаки победы Её над Беспамятством»²¹. Подлинная культура есть соединительная среда, её высшая цель – теургия, т.е. в духе Вл. Соловьёва творческое созидание всеединства, а движущая сила – узнаванье, встреча всех со всеми²².

В этой же главе параграф пятый знакомит нас с положениями платоновской философии памяти по диалогу «Федр» в переводе С.А. Жебелёва. Шор обращает внимание, что изложенный там миф об изобретении письменности имеет не только всем известный явный гносеологический смысл, известный по учению Платона об анамнезисе:

Письмена не только тем опасны, что помогают вспом<и>нать извне и в сущности ничему не научают, они ещё опаснее тем, что отдаются всякой силе и столь же легко становятся знаками памяти, как и знаками беспамятства. <...> Утрачивая подлинную

¹⁶ Шор О. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб., 2023. С. 25.

¹⁷ Там же. С. 26.

¹⁸ Там же. С. 29, 124.

¹⁹ Там же. С. 53.

²⁰ Там же. С. 66.

²¹ Там же. С. 50.

²² Там же. С. 49.

память (не упражняясь в ней), мы лишаемся критерия истины, чувства жизни её. Воспоминание «изнутри» есть особый акт обращённости к Бытию, которую никаким иным путём обрести нельзя. Письмена, отучая «упражнять память», легко повергают душу в забвение, начинают служить небытию²³.

«Ангел памяти» Платон предупреждал о преследующей человека опасности обрести памятные знаки в знаки беспамятства, поэтому считал, что «живая» речь надёжнее «мёртвой», записанной речи, уязвимой, беспомощной и неразборчивой: «Писанная речь незнающего никогда ничему хорошему научить не может – и в этом её метафизический грех»²⁴. Шор полагает, что только по отношению к «писанной речи» верно утверждение «Вспомнить можно лишь то, что помнишь». Но учение Платона о памяти к этому не сводится: «Платон верит, что можно вновь родиться в духе, приобщившись Памяти, и что “живая речь”... “сеет” Память там, где Её раньше не было»²⁵.

Антропологичная по содержанию глава IV (“*Κένωσις*”) посвящена природе человеческого *κένωσις*’а и трагедии. Кенозис – это богословский термин, означающий самоумаление Богочеловека Христа через вочеловечение и принятие страданий вплоть до крестной смерти. Шор трактует его как момент самоопределения личности, выбора душой своего образа, «как Бог её задумал»²⁶. Она считает природным для человека после грехопадения состояние ужаса перед Бытием. Память о Падении и о свободном первовыборе между добром и злом важна, в этом состоит основной парадокс человеческой природы: «Между Светом Памяти и Памятью о мраке зияет бездна. Бездна непроходимая, зияние несмыкаемое. Чувство этого вечного зияния есть чувство трагического: иное выражение этого чувства трагического есть Ужас, (ветхозаветный) страх перед Богом, бегство от Него»²⁷. Христос снял страх перед Богом, заменил его любовью, единением, чем преодолел трагедию. Тем не менее трагический Ужас – это участь человека. В трактовке трагедии Шор опирается на статью Вяч. Иванова «О существе трагедии» (1912). Трагедия там, где жрец есть жертва, где исполнение долга сопровождается великим страданием, где подвиг есть падение: «Трагическое как взрыв всех смыслов, безысходная Печаль о Зле Мира, ибо сие есть не что иное, как память о *κένωσις*’е, переживание Зияния»²⁸.

Размышления о трагедии творчества и жизни в трактовке Шор осуществляются в дискурсе «негативной антропологии», весьма популярной у европейских интеллектуалов, особенно в немецкой философской культуре, с середины 20-х по конец 50-х гг. XX в. Человек характеризуется как существо, умеющее придавать положительное значение своей парадоксальности. Человеческая негативность используется как ресурс для построения культуры («Творимая человеком культура состоит из объективаций его *κένωσις*’ов»)»²⁹. Человек в своём творчестве повторяет божественный творческий акт, но в муках: «Человеку творение Памятного Знака, этого его подлинного пути к Богу, дано в форме отрыва – и в этом его “мука”»³⁰.

Дальнейшее изложение мысли в главе V «*Протомиф*» тематически построено в духе книги Вяч. Иванова «Достоевский: Трагедия – миф – мистика». Именно здесь Шор демонстрирует свою философскую эрудицию, развивая аргументацию вокруг силлогизма классической логики как образа памятного акта. Ей важно указать

²³ Шор О. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб., 2023. С. 69.

²⁴ Там же. С. 71.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 73.

²⁷ Там же. С. 75.

²⁸ Там же. С. 78.

²⁹ Там же. С. 81.

³⁰ Там же. С. 80.

на объединяющую для понятий среду, где они оказываются многообразно связанными друг с другом – полноту держания, вседержание, память, которой держится и живёт каждое отдельное определение (= знание) («Каждое понятие живёт *полнотой*»³¹).

Комментируя дискуссию о первенстве понятия или суждения, участником которой был Г. Риккерт («К учению об определении», 1888; «Логика предиката и проблема онтологии», 1930), Шор утверждает, что этот спор не имеет смысла, так как они одноправны, морфологически представляя собой умозаклучение³². Современную логику она подвергает критике за методологизм – предпочтение силлогистике учения о методе – и замену аристотелевского «образования понятий» посредством умозаклучений образованием научных понятий посредством различных методов. Этим, считает она, произведён отрыв науки от философии, «которая всегда будет вращаться в сфере невидимого умозаклучения. Отказавшись же от невидимого, нельзя, конечно, всерьёз пользоваться видимым силлогизмом, который вырождается в пустую формалистику»³³. Смысл обычного силлогизма состоит в том, что «он отображает первичный, невидимый жест, включающий малое понятие в большое бытие, позволяет видеть “вещи в Боге”, производит *знание*. Этот невидимый силлогизм есть внутренняя жизнь знания»³⁴.

По мнению Шор, следует вернуться к Платону – его требованию понимать из целого и методу усмотрения целостных образов: «Узрение целого Платон имеет как первично данное. Понять значит увидеть понимаемое в логике идеи, познать его как отражение её. Такое понимание есть троичный акт невидимого силлогизма»³⁵. Платон и Аристотель «не дружат» с аналитическими понятиями и суждениями: «В мире логоса и Памяти суждение выходит из полноты силлогизма; потому оно и синтетично... [Синтетическому суждению] онтологически предшествует полнота силлогистического троичного акта встречи. Синтетическое суждение всегда есть *знание*»³⁶.

Глава заканчивается двумя небольшими параграфами с изложением теории познания Шор, которая основана на «сообщаемости», «*между*», «взаимодействии»: «Подлинное же познание обусловлено тем, что наши эмпирические акты познания отображают высшие акты Памяти»³⁷. Своё развитие эта глава получает во второй редакции.

Глава VII дана в двух редакциях в разделе «<НАБРОСКИ>». Можно сказать, что здесь конспективно сделаны заметки к философии апантемы (встречи, соборности), имеющей структуру акта Памяти. Автор размышляет о мистике, мистическом акте, имеющем две формы – опыт церковный и опыт персональный.

После сделанного обзора содержания книги попробуем прояснить главную идею, которую стремится донести до нас Шор. В то время как философское исследование проблем памяти в 30–40-гг. XX столетия фокусировалось главным образом на рассмотрении особенностей восприятия прошлого в индивидуальном и коллективном сознании, Шор разрабатывала именно философию памяти, позволяющую подойти к её осмыслению как духовной универсалии высшего порядка. Её стратегия философствования о памяти – это удержание традиционного взгляда, вопреки набирающему силу стремлению свести память к реконструкции прошлого

³¹ Шор О. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб., 2023. С. 89.

³² Там же. С. 88.

³³ Там же. С. 92.

³⁴ Там же. С. 91.

³⁵ Там же. С. 93.

³⁶ Там же. С. 96–97.

³⁷ Там же. С. 100.

в зависимости от настоящего видения общества (М. Хальбвакс), к инструменту символической политики (П. Нора) или к идеологии. Философия Ольги Шор есть собирание утраченного общего смысла памяти для решения сотериологических задач: «Память имеет предметом своим Бытие, *единственным* предметом, потому совпадает с ним по объёму. Беспамятство = Небытие»³⁸.

Значение книги конкретизируется в сравнении с тематически близкими ей сочинениями. Шор формировалась как мыслитель в специфическом интеллектуальном контексте, в котором обращение через эстетику к проблемам культуры становится назревшей необходимостью. В связи с присутствием подобных обращений как в русском символизме, так и в неокантианстве возникает вопрос о влиянии неокантианских идей на мнемологию Шор.

Естественно, что тему памяти Шор унаследовала от Вяч. Иванова и других своих учителей – Платона, Августина, Микеланджело. Однако нельзя сбрасывать со счетов и современные ей философские влияния: Шор прошла выучку у неокантианцев (лекции Г. Риккерта (1863–1936) она слушала во Фрайбургском университете в 1912 г.; дружеские отношения и переписку с русскими неокантианцами С.И. Гессеном и Ф.А. Степуном поддерживала всю свою жизнь) и впоследствии предпочитала философствовать о памяти фундаментально и строго, методологически выверенно.

По сравнению с неокантианцами, проблема памяти приобретает у Шор не только эпистемологическое измерение, связанное с ролью истории в жизни общества и с методологическими основами этой науки. Рецепция платонизма в русском символизме сопровождалась преодолением гносеологического идеализма неокантианства. Интерес Шор к философии Риккерта, скорее всего, связан с освоением им теории ценностей как новой области философии, что оправдывает поиски метафизических предпосылок теории знания.

О.Л. Фетисенко назвала мнемологию «ангельскими мистериями», а саму Ольгу Шор – служительницей памяти, всю жизнь стремившейся постичь этот «благороднейший дар» Бога человеку и «движущийся образ Бытия»³⁹, и поместила в начале книги, буквально сделала окном в «МНМОЛОГИА», как в потусторонний мир *другого* мышления, картину Рафаэля Санти «Святой Михаил и дракон» (1503–1505, Лувр), изображающую победу Рыцаря над великим злом.

Пожалуй, этот тип мышления можно определить как *мистический онтологизм*, поскольку он опирается на понятие бытия как исходного пункта для описания онтологической памяти и реальности события. Такое мышление препятствовало наследованию неокантианских идей. Выяснение этого вопроса требует специального дополнительного исследования с опорой на архив Шор.

В тексте «Мнемологии» слово «память» всегда пишется с большой буквы: это память мира, память человечества, память культуры. Именно на путях культуры возможно «собрание» в памяти разрозненных моментов действительности, *анамнезис* как воскресительный возврат.

О. Шор возвращает проблеме памяти сакральный аспект, ставя поиск смысла памяти в зависимость от смысла Священной истории. Автор «Мнемологии» выводит из забвения первоначальный образ Царствия Небесного, описывая «Небесную культуру» (Глава II. «Пролог на небе» предваряется во второй редакции цитатой из Жака Маритена в качестве эпиграфа: «Кто не размышлял об ангелах, никогда не станет настоящим метафизиком»⁴⁰). Символический религиозно-культурный опыт осуществляет попытку всеобъемлющего синтеза – синтеза идеи культуры и мифологемы свободы. Память, помещённая в основание не только культуры, но

³⁸ Шор О. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб., 2023. С. 146.

³⁹ Там же. С. 5.

⁴⁰ Там же. С. 120.

и бытия, освобождает и приносит бессмертие. Такое решение достигается путём трактовки культуры и памяти с позиций религиозного, а не культурологического сознания.

Воспоминание играет при этом важнейшую роль, выступая особым актом обращённости к бытию, техникой памяти и движущей силой культуры. Автор «Мнемологии» обходит стороной проблематику «работы памяти» на уровне личности, личного усилия припоминания (анамнесиология – это раздел мнемологии). Шор ставит память выше воспоминаний: память – «движущийся образ» Бытия, а воспоминания – движущиеся образы самой памяти: «воспоминание есть след, знак Памяти; оно уготовляет единственно доступный человеку путь к восприятию и произнесению Её»⁴¹. Но воспоминания – не только знаки верности памяти: они несут в себе и возможность измены. Когда они становятся самодовлеющими, то вызывают бесплодную мечтательность, «разлагающую Дух». Ведь тогда они – всего лишь часть целого, предатели полноты и служители забвения, поскольку полнота есть пафос памяти: «Смерть во времени побеждается не воспоминанием, а Памятью. Воспоминание времени следует, Память его преодолевает»⁴². Память вмещает в себя (в силу троичности времени) как направленность на прошлое, так и направленность на будущее.

Кроме европейских дискуссий об онтологии, сознании, символе, важным контекстом размышлений Шор является стремление православных мыслителей христиански оправдать культуру, которая «не принимается безоговорочно», «не входит в христианскую духовность как органический элемент»⁴³. Русские философы и богословы связывают культуру с эсхатологией, открывают её значение по отношению к концу. При этом следует учитывать разницу между «сверхэсхатологизмом» Н.А. Бердяева и Д.С. Мережковского и «эсхатологическим утверждением» культуры в православном богословии Павла Евдокимова, о. Георгия Флоровского, в символизме Вяч. Иванова, П.А. Флоренского и А.Ф. Loseва. В первом случае мы имеем дело с романтическим отказом от этого падшего мира, порывом за грани здешнего, принудительно данного и уродливого к творчеству нового, просветлённого и свободного. Во втором – с принятием этого мира и стремлением высветлить заложенную в нём идею, осознать причастность этого мира миру высшему; причастность через культуру или даже культуры как разные способы искомого причащения. Но культуру здесь следует понимать не как самодостаточную сферу, обладающую бесконечным саморазвитием, не как цель в себе.

Романтическая отчуждённость от исторической действительности приводит, например, у Бердяева к утверждению о «глубоком конфликте» идеи с историей и выведению на первый план апокалиптичности сознания. Его оппоненты утверждают, что отказ от культуры будет означать отказ от христианской церкви⁴⁴.

Интеллектуальная вовлечённость О. Шор в упомянутые дискуссии (в детские и юношеские годы – в доме родителей, гостями которого были Анна Ахматова, Андрей Белый, Всеволод Мейерхольд, Михаил Гершензон, Вячеслав Иванов, потом обучение философии на философско-литературном факультете Высших женских курсов, освоение неокантианской методологии, участие в работе Государственной академии художественных наук, преподавание истории искусств) повлияла на характер построения текста, который своей откровенностью, пристрастностью

⁴¹ Шор О. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб., 2023. С. 53.

⁴² Там же. С. 119.

⁴³ Евдокимов П. Православие / Пер. с фр. С. Гриб. М., 2002. С. 433.

⁴⁴ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 215.

и одновременно стремлением применить строгий логически-дискурсивный метод к сюжетам христианской мифологии напоминает тексты А.Ф. Лосева 1930-х гг. Привычные темы русских символистов здесь также переводятся в новый смысловой контекст – богословский⁴⁵. Апантетическое мышление Шор «определено “красотой” (Св. Духом богословски). Поэтому естественно, что именно наш век создал эстетику, в аспекте которой «можно теперь дать всё мирозерцание»⁴⁶. Для подробного раскрытия этой темы потребуются обращение к другим работам Ольги Шор. Это наводит на соображение, что издавать «Мнемологию» лучше вместе с другими текстами автора, тем более что они плохо известны широкому кругу читателей. Это даст более объёмное представление о бытовании христианских идей в культуре Серебряного века, о том, как русская интеллигенция в определённый период истории открывала для себя платонизм и христианское прочтение памяти, а также позволит проводить исследования о существовании и степени их трансформации под влиянием оккультной и мистической традиций, «разделявшихся авторами периода модернизма»⁴⁷.

Размышления Шор о природе человеческого κένωσις'α⁴⁸ могут показаться мистерией, повествующей о добре и зле сквозь призму христианской мифологии, щедро одобренной «античностью Серебряного века», мистикой и эзотерикой: «Философ устремляется к увиденной истине неистово; он всё приближается к ней и каждый шаг свой знаменует новой формулой всё о том же несказуемом...⁴⁹ Философия... – вовсе не путь святого. Может им стать к<a>к и профетическое искусство. Тогда она – богословие»⁵⁰.

Платоновский дух витает над всеми рассуждениями автора, но это Платон, переосмысленный в духе «профетического искусства»:

Художник между собой и видением нагораживает мир мифов; иначе он сгорел бы от близости луча. Он ищет преломлений луча... Кажется, что философ и художник антиподы. Но на больших вершинах они друг в друга переходят: философ, предельно приблизившись к своему видению, может сгореть, испепелиться, но назад отступить нельзя, и спасается он в миф (Платон). Художник, устремляясь на мир, становится слишком широк и грозит взорваться; поэтому он собирается в фокусе мысли и начинает осознавать (Данте)⁵¹.

После прочтения «Мнемологии» создаётся устойчивое впечатление, что окончательный смысл мифических символов, использованных для передачи мысли, не может быть выражен языком понятий. Лучшее всего с этим справится «художник» и «пророк», о чём Ольга Шор и написала в своей книге о Микеланджело.

⁴⁵ Гоготшивили Л.А. Платонизм в зазеркалье XX века, или Вниз по лестнице, ведущей вверх // Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 922.

⁴⁶ Шор О. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб., 2023. С. 142.

⁴⁷ Петров В.В. Телеология, четвёртое измерение и обратный ход времени в работах Андрея Белого, Вяч. Иванова и М. Волошина // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. Вып. 3 / Сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М., 2018. С. 61.

⁴⁸ Шор О. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб., 2023. С. 73–79.

⁴⁹ Там же. С. 62.

⁵⁰ Там же. С. 145.

⁵¹ Там же. С. 62.

Список литературы

Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 43–271.

Гоготшивили Л.А. Платонизм в зеркале XX века, или Вниз по лестнице, ведущей вверх // Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. С. 922–942.

Дешарт О. Введение // Иванов Вячеслав. Собрание сочинений. Брюссель. 1971. Т. 1. С. 7–227.

Евдокимов П. Православие / Пер. с фр. С. Гриб. М.: ББИ, 2002. 500 с.

Иванов В.И. Повесть о Светомире Царевиче / Подгот. изд. А.Л. Топоркова, О.Л. Фетисенко, А.Б. Шишкина. М.: Ладомир, Наука, 2015. 824 с.

Кошемчук Т.А. «Третья жизнь» Вяч. Иванова: история с умолчаниями, оправданиями и обвинениями // Крымский архив. 2015. № 2 (17). С. 128–153.

Петров В.В. Телеология, четвёртое измерение и обратный ход времени в работах Андрея Белого, Вяч. Иванова и М. Волошина // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. Вып. 3 / Сост. С.В. Федотовой, А.Б. Шишкина. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 13–65.

Рудник Н., Сеал Д. Письмо О. Шор (О. Дешарт) Ф.А. Степуну // Зеркало. 2021. № 17. URL: <https://magazines.gorky.media/zerkalo/2001/17/pismo-o-a-shor-o-deshart-f-a-stepunu.html> (дата обращения: 26.04.2024).

Шор О. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. Санкт-Петербург: Издательство «Пушкинский Дом», 2023. 240 с.

On the Meaning of Memory

A Review on: Shor O.A. *Mnemologiya*. Ed., introduction, prep. of texts and commentaries by O.L. Fetisenko. St. Petersburg: Pushkinsky Dom Publishing House, 2023. 229 p.

Elena S. Petrikovsky – Candidate of Sciences in Philosophy, senior research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: lenape69@mail.ru

The review presents to the reader the first published manuscripts of Olga Alexandrovna Shor, known as a biographer and publisher of the works of the Russian poet Vyacheslav Ivanov. The review examines in detail published Shor's manuscripts stored in the Roman Archive of Vyach. Ivanov, in particular the treatise "Mnemology", as well as individual notes included in the book. Olga Shor's philosophizing is proposed to be understood as a kind of mystical ontologism based on the concept of being as a starting point for describing the ontological memory and reality of an event. The connections and interactions of Shor's reflections in the treatise with the cultural context – the philosophy of Plato and Aristotle, the heritage of Vyach. Ivanov, neo-Kantianism, Russian and European religious and philosophical thought – are considered in outline. The author of the review expresses the hope that the first and very detailed publication of "Mnemology" will draw research attention to the author's philosophical work of Olga Shor. The return of such forgotten names and works to our intellectual space is also important because it opens access to the creative laboratory of the Silver Age, which was busy searching for a way out of the crisis of European culture and creating an original version of cultural philosophy. Considering the fact that Olga Shor left her work unfinished without preparing it for publication, which makes a serious critical analysis of this work incorrect, the review mainly clarifies the key points of the author's thoughts and offers an understanding of the author's intention.

Keywords: memory, Silver Age, Russian symbolism, neo-Kantianism, Vyacheslav Ivanov, culture, tragedy

For citation: Petrikovsky, E.S. O smysle pamyati [On the Meaning of Memory. A Review on: Shor O.A. *Mnemologiya*. Ed., introduction, prep. of texts and commentaries by O.L. Fetisenko.

St. Petersburg: Pushkinsky Dom Publishing House, 2023. 240 p.], *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2024, Vol. 2, No. 2, pp. 107–119. (In Russian)

References

Berdyayev, N.A. *Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoj mysli XIX i nachala XX veka* [The Russian Idea. The Main Problems of Russian Thought of the 19th and early 20th Century], in: *O Rossii i russkoj filosofskoj kul'ture. Filosofiy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya*, Moscow: Nauka Publ., 1990, pp. 43–271. (In Russian)

Deshart, O. *Vvedenie* [Introduction], in: *Ivanov Vyacheslav. Sobranie sochinenij*, Brussels, 1971, Vol. 1, pp. 7–227. (In Russian)

Evdokimov P. *Pravoslaviye* [The Orthodoxy], Per. s fr. S. Grib, Moscow: BBI Publ., 2002, 500 p. (In Russian)

Gogotishvili, L.A. *Platonizm v zazerkal'e XX veka, ili Vniz po lestnitse, vedushchej vverkh* [Platonism Through the Looking Glass of the 20th Century, Or Down the Stairs Leading up], in: *Losev A.F. Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii*, Moscow: Mysl' Publ., 1993, pp. 922–942. (In Russian)

Ivanov, V.I. *Povest' o Svetomire Tsareviche* [The Story of Svetomir Tsarevich], ed. by A.L. Toporkov, O.L. Fetisenko, A.B. Shishkin, Moscow: Ladomir Publ., Nauka Publ., 2015. 824 p. (In Russian)

Koshemchuk, T.A. “Tret'ya zhizn'” Vyach. Ivanova: istoriya s umolchaniyami, opravdaniyami i obvineniyami [“The Third Life” of Viach. Ivanov: The Story of Omissions, Excuses and Accusations], *Krymskij arkhiv* [The Crimean Archive], 2015, No. 2 (17), pp. 128–153. (In Russian)

Petrov, V.V. *Teleologiya, chetvertoe izmerenie i obratnyj khod vremeni v rabotakh A. Belogo, Vyacheslava Ivanova i M. Voloshina* [Teleology, the Fourth Dimension and Time Running Backwards in the Works of Andrei Bely, Vyacheslav Ivanov, and Maximilian Voloshin], in: *Viacheslav Ivanov: issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov: Studies and Texts], Vol. 3, sost. S.V. Fedotova, A.B. Shishkin. Moscow: IMLI RAN Publ., 2018, pp. 13–65. (In Russian)

Rudnik, N., Segal, D. *Pis'mo O. Shor (O. Deshart) to F.A. Stepun* [O. Shor's (O. Deshart) Letter to F.A. Stepun], *Zerkalo* [The Mirror], 2021, No. 17. URL: <https://magazines.gorky.media/zerkalo/2001/17/pismo-o-a-shor-o-deshart-f-a-stepunu.html>. (In Russian)

Shor, O.A. *Mnemologiya* [Mnemology], introduction, ed., prep. of texts and commentaries by O.L. Fetisenko. St. Petersburg: Pushkinsky Dom Publishing House, 2023. 240 p. (In Russian)